

Михаил Иоссель

НАИВНЫЙ КАНАВИН

рассказ
из цикла "Одновременно"/

Здесь все тоже очень просто: наивность. Он был наивен, но не до такой степени. Но степень его наивности была высока. Но учился он хорошо. Он хорошо овладевал знаниями. Есть теория, согласно которой овладевание знаниями, да и не только ими, предполагает некоторую степень наивности, и он и был до некоторой степени наивен. Но не до такой степени. Но степень его наивности была высока. Когда дети обнаруживают у ребенка слабое место, они начинают в это слабое место бить, даже если это сильное место ребенка. Канавин обнаружил перед детьми свою наивность в девять лет, когда выяснилось, что он еще не знает того, о чем догадываются даже учителя, и дети его высмеяли, просветили, поколотили, и, раз обнаружив свою наивность, Канавин ~~дал~~ более, как и ранее, не скрывал. Он не знал о ней, и он, что он наивен — не полагал. Он не полагал, он улыбался. Он наивно улыбался, и раздраженным детям думалось, что он над ними издевается при помощи наивной улыбки, в то время как он просто был наивен, но, по наивности своей, о наивности своей он не знал. Но другие знали и старались в это слабое с их точки зрения место бить. Слабым местом пытавшихся в его слабое место бить было то, что они не представляли себе отчетливо, зачем бьют, им хотелось похвастать, а это в целом, не серьезная цель, — и не цель. Но наивняк Канавин был серьезен. Ему могли сказать и говорили, что к следующему занятию, например, учительница литературы на дом задала, например, выучить наизусть что-нибудь.

смешноватое, например, "Гаврииладу" Пушкина, например. Но к следующему уроку литературы, разумеется, а не физики, например, потому что этому Канавин мог бы не поверить, потому что до такой степени Канавин не был наивен. Но степень его наивности была высока, и поэтому он к следующему уроку литературы не без труда и с полной серьезностью выучивал "Гаврииладу", например, наизусть. Детям это было смешно, когда он тянул (а он сдержанно всегда тянул) руку, выходил к доске и сдержанно декламировал, не все слова и ситуации понимая, но полагаясь на гений автора и авторитет педагога. Учительница это было страшно, но она сначала слушала, потом — нет, и мягко говорила: "Иди на место, Канавин. Пять." Канавин с полной серьезностью и напряжением души выслушивал, к примеру, как бы доверительный на ухо ему шепот о том, что самая красивая девочка во всем классе, на которой бы был счастлив в перспективе жениться каждый мальчик класса, по имени Ира Рамс, смертельно и отчаянно в него, Канавина, влюблена. Канавину ее было жаль. Ему было ее жаль потому, что его сердце — по крайней мере тогда, было занято. Тогда, по крайней мере, канавинское сердце было занято, но не другой, но — другим, и не кем, но — чем, но чем — никто не знал, а Канавин не говорил. Детям это было смешно, канавинская жалость к Ире Рамс, и Ире Рамс, которая тогда тоже была ребенком, это тоже было смешно, хотя отчасти канавинская реакция, конечно, Ире Рамс заедала, а Канавину это было, как и многое, все равно, потому что он был наивен, и он поэтому улыбался. И улыбка у него была весьма наивная, у Канавина. Его можно было, например, послать туда-не-знаю куда, и он шел, наивно шел, и коллектив или его часть часто посыпали его туда, куда коллектив не знал, и он шел. И он не только шел, но и почти всегда (а он почти всегда знал, куда шел) он шел туда не без результата. Так, однажды, он нашел на северо-востоке пустыни между третьей-нашей и шестой-не-нашей улицами, на пристани паромной переправы, бумажник, в котором было восемь рублей одной купюрой, и отнес его директору, и директор горячо перед всей торжественной линей-

кой его хвалил. А в другой раз он заметил вылезающего из широкого окна школьной столовой малознакомого человека со щницелем в зубах, который - человек - оказался прогульщиком с большим стажем, которого давно разыскивал пedsостав, медсостав, милиция, Интерпол, и проинформировал об этом, наивно улыбаясь, директора, который, по степени своей наивности, горячо перед всей торжественной линейкой его хвалил. И бить его тоже было нехорошо. Собственно, как дети дают понять ребенку, что те или иные его качества или степень их развития неординарны? Собственно, они его бывают. Бить пытались - и успешно - и Канавина. И бить его тоже было нехорошо. И не потому нехорошо, что нехорошо, но потому, что нехорошо бывало потом тем, кто Канавина с его наивностью обижал или был. Было в этом нечто таинственное, таинственноватое нечто было в том, до какой степени Канавин со всей степенью своей наивности был непричастен к тому, что позже неизбежно происходило с теми, кто его обижал или был. Это была малоприятная тайна. Он не с первого училися класса в классе, и поэтому она не сразу обнаружилась, эта тайна, или же, положим, обнаружилась - сразу, но не сразу обратили пристальное внимание на нее, не связали в последовательность некоторые события - сразу, а когда связали и когда обратили - больше уже Канавина не обижали, не были. То один, Канавина зло разыгравший, получит двойку или будет выгнан из класса (неизменно на следующий день, но довольно скоро - через час, через год), то другой, Канавина зло обсмеявший, получит двойку и будет выгнан из класса, то злоязвительную девочку бросит мальчик, то от мальчика, ударившего Канавина, немотивированно уйдет девочка - навсегда, то всех, кто был Канавина, заберут в милицию за битье оконных стекол в новых домах, то канавинообидчиков в лесу накроет дождем, и они простудятся, но медсестра им как симулянтам справки не даст, а один, наиболее недоброжелательно Канавина колотивший, даже тяжко заболел болезнью с латинским корнем, от которой можно умереть, если не выжить, но все же выжил, но много пропустил, не наверстал, утратил вкус к приобретению знаний, остался на четвертый год,

подал в уличную компанию, стал пить после болезни, и его посадили. Некие, казалось, силы, сама природа, казалось, мистически были за Канавина, но дети не мистики, они стали Канавина сторониться, и взрослым — не до мистики, они стали с Канавиным сближаться, и сближались, и сближались до такой степени, что Канавин, не лишившись наивности, не утратив иллюзий, повзрослев и стал оканчивать школу. Он окончил школу, его один обидел — и пострадал. Его сняли. Оттуда, где он был, его сняли. Он окончил уже не школу, его другой обидел — и покалечил. Его тоже сняли. И вокруг Канавина с его наивностью стало расчищаться пространство. Он стал занимать пустые места, хотя и — по наивности своей — не хотел этого. Сначала не хотел, потом — неизвестно. И все меньше — постепенно — становилось желавших, и все меньше становилось вокруг — могущих Канавина с его наивностью обижать. Однажды, говорят, его послали в Японию. Но, может быть, его и не послали, но он поехал. Полетел на самолете в Японию. Когда он ступил на бетон токийского аэропорта, там стояла толпа, которая встречала или провожала или просто любопытствовала по случаю прилета или отлета или просто прогулки одного из членов императорской семьи Хирохито. И только он, Канавин, ступил на токийского аэропорта бетон, толпа увидела члена императорской семьи и закричала: "Банзай!" Канавин, недоумевая, огляделся и увидел толпу, которая, казалось, устремлена была на него. Она была не на него устремлена, разумеется, но член императорской семьи прогуливался, Канавину невидим, близ Канавина по бетону. "Банзай!" — снова закричала толпа. В растерянности, Канавин снова обернулся, огляделся и оглянулся и обнаружил за своей спиной человека, к которому он полуобернулся и спросил: "Мне банзать?" "Ни в коем случае не банзайте", — строго, коротко, не разжимая губ, сказал человек. "Банзай!" — снова закричала толпа. Канавин наивно улыбнулся: "Но люди просят." "Банзай!" — снова закричала толпа. "Не смей банзать!" — яростно сказал человек. "Банзай!" — снова закричала толпа. Канавин покал плечами и забанзил. Он банзил недолго, не более получаса. Случились рядом фотокорреспонденты, и снимок банзящего Канавина обошел на следующий день жалтоватую японскую

прессу. "Браво!" — закричала толпа. По совместном, но на разных самолетах возвращении из Японии человек, который оказался за спиной Канавина в токийском аэропорту, составил и отправил по инстанциям выдержаный в осуждающем духе рапорт о Канавине, близавшем в токийском аэропорту и, разумеется, не позднее чем через три дня, возвращаясь со дня рождения первого мужа своей жены по скучно освещенному проспекту домой, упал в открытый люк на проспекте, выбил себе зубы о трубу, был отправлен по состоянию здоровья на пенсию и заболел вспышками агрессивности. Редактор той токийской газеты, которая — единственная — окарикатурила поступок Канавина, сел через месяц после банизания на свою "Хонду" и поехал покупать сакэ и мясо в супермаркет компании "Мицубиси", купил мяса, купил сакэ, поел этого мяса с этим сакэ, которые оказались отравленными гангстерами японской мафии — якудзы — в ответ на отказ компании выплатить якудзе долю со сверхприбылей, заболел, отравившись этим мясом и сакэ, гепатитом, и был переведен в простые репортеры раздела сексуальной хроники с испытательным сроком, и заболел. Наивность Канавина с тех пор значительно разрослась, как недоброкачественная опухоль. И разрослась до такой степени, что часто мешает ему в его работе, для которой именно наивность необходима. Недавно он был послан на требующую именно большой наивности работу — торговым представителем в островную страну, 885 лет боровшуюся за свою независимость и обретшую ее за неделю до прилета Канавина. В ней Канавин по наивности переходил единственный в стране проспект на красный свет при правостороннем движении, и был выслан из страны, на которую неделю назад обрушился тропический ураган Хильда.

А вчера Канавин, как сказал мне Кока Зоб, стал первым мужем все еще красивой Иры Рамс.

000000000000
00000000000
00000000

ГРАМОТНЫЙ

рассказ

На большой — между математикой и русским языком — перемене, натолкнувшись в дверях классной комнаты на Первого Выбегавшего, оттолкнув его и столкнувшись со Вторым Выбегавшим, две старшеклассницы бесшумно вошли в классную комнату, и одна из них схватила за рукав пробегавшего мимо нее Третьего Выбегавшего и сказала ему: "Подожди, постой, где он тут у вас, покажи", а у другой была в руках большая книга, словарь, и Третий Выбегавший, стараясь вырваться и выбежать, как будто заканчивал было — "это не я", но потом, увидев краем дикого глаза толстый том в руках второй старшеклассницы, большую книгу, словарь, вырвал пузырящийся рукав из руки первой старшеклассницы, взмахнул другой рукой в разорванном рукаве, указывая на парту возле дальнего подоконника, заорал, возобновляя бег, "вон он там!", и неторопливо выходившая из классной комнаты Выходившая подтвердила, надменно улыбаясь: "Да, если вам, вероятно, к Грамотному, то да, вон он там сидит, так сказать, точнее говоря, уже встал." "Черт-те что", — сказала старшеклассница с толстой книгой, со словарем. "А!" — сказала другая старшеклассница. — "Вон он. Вон там."

Там, где сидел, а теперь уже стоял, лицом к окну, о подоконник опершись, Грамотный, дремотная традесканция сползала вниз по грязной стене, там свисала с потолка, колеблемая ноябрьским воздухом из оконных щелей, модель космического корабля из фольги.

"Здравствуй", — поздоровалась, подходя, постукивая каблучками, старшеклассницы. — "Мы к тебе." "Здравствуйте", — поздоровался с ними Грамотный, отворачиваясь от окна. — "Ко мне?" "Здравствуй", — сказали старшеклассницы. — "Мы, как ты видишь, старшеклассницы, я Любочка, она — Танечка, а если ты и есть тот самый Грамотный, мы к тебе." "Ко мне?" — спросил Грамотный. "Пожалуйста, не валяй", — сказала Танечка, — "дурака". Грамотный отвернулся к окну. "Танечка", — озабоченно сказала Любочка, — "у нас время мало." "Время, время!"

— резко сказала Танечка. "Время", — хмыкнул Грамотный, слегка вглядываясь в окно.

Время за окном было маленькое, сероватое, ватные облака. Болота. Макропустыни. Микрорайоны. Громкий стук каблуков.

"Это вообще-то — он?" — спросила Любочка Сидевшую Впереди. "Кто? Он? Вообще-то, это он", — радостно кивнула сидящая сзади Сидевшая Впереди. "А тогда чего это он, вообще?" — удивилась Любочка. "А это он изображает из себя, вообще", — объяснила остановившаяся рядом Прогуливавшаяся Мимо. — "Немножко выпендрюхник, вообще". "Какой-то он, вообще-то, мелкий", — с сомнением сказали Танечка с большой книгой, со словарем. — "Мелковатый, Любочка. Не находишь?.. Откуда, Любочка, такой, вообще-то, мелковатый ребенок может быть такой уж, вообще-то, грамотный? Сомневаешься."

Грамотный еще больше отвернулся к окну.

"Но Танечка", — возразила Танечке Любочка, — "вообще-то, да — с одной стороны, но с другой стороны, Танечка, вообще-то, Танечка, ведь сам Савченко проверял!" "Савченко, Савченко!..." — зло сказала Танечка. "Савченко!" — расхохотался сидевший рядом Сидевший Рядом. "Савченко! Кравченко! Балаган!" "Любочка", — сказала Танечка, — "это, дорогая, становится, вообще-то, невыносимо". "Невыносимо! Выносимо!" — расхохотался сидевший рядом Сидевший Рядом. — "Выносимо! Не выносимо!" "А ты-то", — встревоженно спросила Любочка, — "кто еще такой, вообще?" "Я его импресарию", — сказал Сидевший Рядом и встал. — "Я его антрепренер, мадам", — и коротко поклонился. "Я его антрепренер, поскольку, так как я его импресарию, поскольку к нам, к нему, к нам ходят через день, буквально через два, каждый день, буквально каждую неделю, каждый месяц, раз в год, он, мы, он отчаянно нуждается в импресарию, поскольку, если вам только дай, вы все сядете нам, ему, нам на голову, и поэтому я его, мадам, импресарию, и, так как я его антрепренер, прошу ваши пари разбивать через антрепренера, то есть через меня, его импресарию."

Грамотный отвернулся от окна и отвернулся к окну.

"С ума сойти", - сказала Любочка.

"Я его антрепренер", - сказал стоявший рядом Сидевший Рядом.

Грамотный прижался лбом к стеклу.

"Я его импресарио и крупнейший друг", - сказал Сидевший Рядом. Грамотный сказал: "Отвали." "Хорошо", - сказал стоявший рядом Сидевший Рядом и весело отвалил, и подошел, и сел рядом. "Театр!" - сказала Танечка. "Что у вас, пари?" - спросил Грамотный. Он старался не прислушиваться к стуку каблуков старшеклассниц. "Да", - сказали старшеклассницы, - "вообще-то, мы, вообще, поспорили на пари." И если кто что выиграет или кто что проиграет - то что?" - спросил Сидевший Рядом. "Отвали", - сказал Грамотный, садясь рядом с Сидевшим Рядом. "Хорошо", - сказал Сидевший Рядом, встал, отвалил, подошел и сел рядом с Грамотным. "Килограмм "Мишки на Севере""", - сказала Танечка. Сидевший Рядом свистнул и хмыкнул. "Но Танечка", - возвизвала Любочка, - "мы договаривались, вообще-то, на восемьсот". "Нет, Любочка", - возвизвала Танечка, - "мы договаривались, родная, на килограмм." "Вы договаривались", - жестко сказал Сидевший Рядом, - "на полтора." "На килограмм!" - возмущенно воскликнули старшеклассницы. "Нет", - сказал Сидевший Рядом. - "Вы забыли. На полтора." "На полтора, я слышала!" - закричала сидевшая Сзади Сидевшая Впереди. "На полтора", - бесстрастно повторил Сидевший Рядом. "На полтора!" - закричал, первым вбегая в классную комнату, Бегавший Последним. "На полтора!" - фыркнула стоявшая рядом Прогуливавшаяся Мимо. "На полтора", - бесстрастно повторил Сидевший Рядом. "На полтора!" - завизжали, вбегали, Выбегавшие и Бегавшие. "На полтора, на полтора!" - завизжали Дерущиеся До Первой Крови, Прыгающие На Ушах, Садящиеся На Шею, Мучающие Кошек, Покуривающие В Туалете, Поднимавшие Руки Последними, Пищащие Гадости На Стене, Приставшие К Девочкам, Бегающие За Мальчиками, Читающие С Трудом, Медленно Соображающие, Умеющие Ругаться, Уже Видевшие Голую Женщину В Бане В Дырочку, весь класс во всю силу девятыелетних своих связок голосовых. "На полтора!" - рявкнул забежав-

ший в класс на шум хулиган из соседней школы, и выбежал галопом вон из класса. "Молодцы, ребята! на два!" — прорвал учитель физкультуры, пробегая мимо с баскетбольным мячом в руках.

Любочка и Танечка заткнули розовыми пальчиками красные ушки и закрыли глаза. Поэтому они не услышали звонка и не увидели вошедшую в класс Учительницу. Все встали. Любочка и Танечка открыли глаза. "Здравствуйте", — сказали Любочка и Танечка. "Здравствуйте, дети", — сказала Учительница. "Здравствуйте, Учительница", — сказали дети. Все, кроме Любочки и Танечки, сели. "Чего вам, девочки?" — ласково спросила их Учительница. — "Вы — шефы?" "Да, мы, вообще-то, шефы", — сказала Любочка (класс доброжелательно рассмеялся). "А ну-ка, полная тишина!" — прикрикнула Учительница. Класс смехом собственным подавился. "Да, мы шефы", — натурально дрожа голосом, сказала Танечка с большой книгой, со словарем. "И нас", — сказала дрожащим голосом Танечка, — "медсестричка просила вот этого, вот его (она показала на Грамотного) отвести к ней в кабинет на противолишайный укол." Класс доброжелательно рассмеялся и выжидательно замолчал. "Ну, что же", — сказала Учительница, — "ведите, если надо. Против надо не попрещь. Тем более, я ему ~~ни~~ уже выставила отлично за четверть." "Я не пойду", — сказал Грамотный. "Пойдешь! Куда ты денешься?" — шепнул сидевший рядом Сидевший Рядом. "Надо быть мужчиной", — тепло сказала Учительница. — "А ты, хоть ты еще и маленький, но мужчина. Мужчины не боятся боли. А если мужчины и боятся боли, то мужчины скрывают, что они боятся боли, потому что они мужчины." Учительница ласково улыбнулась. "Полкило наши! Поднимай корку!" — зашипел Сидевший Рядом. "Иди же, глупенький!" — резко сказала Учительница. — "Иди и помни, что ты мужчина." "Я плохо себя чувствую", — сказал Грамотный. "А ну, встать!" — приказала Учительница. Грамотный встал. "Теперь иди." Грамотный пошел, сопровождаемый Любочкой и Танечкой, к выходу, и Сидевший Рядом вскочил и тоже пошел. — "А ты", — спросила Учительница строго, — "ты еще куда? Пропускать

материал? Ну-ка, сядь!" "Очень, очень срочно надо выйти, о боже!" "Ну, иди, что же мне с тобой таким теперь делать?" Сидевшего в классе вздохнула Учительница — и вчетвером они вышли из классной комнаты вон. "А ты", — строго спросила Любочка Сидевшего Рядом, когда они вместе вышли из классной комнаты вон, — "ты еще куда? Ты зачем?" "Спокойно", — сказал Сидевший Рядом. — "Я его импрессарио."

Вестибюль был сумрачен, по-дневному сумеречен, пахло краской и мастикой, натертым полом, запыленной лампочкой, пахло чем-то черным и чем-то строгим, серым, коричневым, серо-коричневым и торжественным. Радостно смотрели космонавты со стен. Их было уже не менее десяти. Или немногим менее. Или более.

"Итак", — сказал Сидевший Рядом, когда они вчетвером подошли к подоконнику, — "вот такое, значит, пари. Мы здесь, вы здесь, полтора кило конфет типа "Мишка на Севере" с проигравшего... Полтора!" — он повысил голос и поднял руку, упраждая готовый вырваться из Любочки, из Танечки протест...

...когда ты смотришь на меня, я теряюсь. И мне хочется смотреть на тебя. И так было всегда. Мне кажется, что мы уже встречались, много лет назад, много, много лет назад. Но ты об этом не знала. Мы были счастливы вдвоем. Но ты об этом не знала. Мне было проще жить тогда. Но я об этом не знал.

"Полтора!.. И полкила из них — нам. Половина кила!" Сидевший Рядом поднял руку и повысил голос, упраждая готовый вырваться из Любочки и Танечки протест, и не упредил его. "Нахальство! Это, вообще, нахальство! Точно, Танечка?" "Это, точно, безобразие, Любочка." "Пошли, Грамотный", — сказал Сидевший Рядом. "Пошли, Сидевший Рядом", — радостно сказал Грамотный, и они направились к дверям классной комнаты.

... они любили хвататься толстыми пальцами за, знаешь, длинные волосы на виске и накручивать их на свои сальные пальцы, больно дергать за волосы, сумасшедшее ласково смеясь сквозь стиснутые зубы. Тогда все было ясно и просто.

Но я об этом не знал.

"Вы куда?" - вскричала Любочка. "Пускай идут", - сказала Танечка. "В класс", - скучно сказал Сидевший Рядом, "в класс, раз вы такие." "Это вымогаловка, Танечка", - сказала Любочка. - "Это шантажиловка, Танечка." "Боюсь, что у нас нет никакого выхода, Любочка", - сказала Танечка. "У вас ни в коем случае нет выхода", - сказал, останавливаясь, Сидевший Рядом.

... я их боялся, я хотел их не бояться, и не мог. Но рядом с тобой я переставал их бояться. Но тебя не было со мной рядом. Но они хотя бы не стучали сапогами - так, будто что-то, что еще не произошло, еще может снова произойти. А если может, то и - неизбежно произойдет, и - уже произошло, раз можно было допустить возможность его. Я боялся.

Грамотный взялся было за белой грязной краской выкрашенную ручку двери классной комнаты, но Сидевший Рядом, во время к нему повернувшись, вовремя схватил его за плечо, сказал его плечо. "Отвали!" - сказал Грамотный. "Дезертир!" - прошипел Сидевший Рядом. - "Эгоист! Ты просто струсили! Ты трус!"

... но сколько можно их бояться?

"Кило двести и ни граммом больше!" - радостно сказала Любочка. "Два", - холодно сказал Грамотный, холодно сверкая глазами, холодно поворачиваясь от двери. "Полтора, полтора!" - примирительно забормотал Сидевший Рядом, подталкивая Грамотного к подоконнику. - "Ну, ну, ну, все хорошо."

... их можно бояться всегда. Проще, чем не бояться их, представить себе возможность рассказать тебе, как ласточки на небе, похожие на черные буквы на синей бумаге, беспорядочно кружились, взмывали и опускались низко над старой крышей какого-то строения в Севастополе, а потом вдруг вспомнились на мгновение в слово, которого я не успел прочитать, и стремительно разлетелись.

"Я крепко на тебя надеюсь", - сказала Любочка. "Мелковатый", - сказала Танечка, - "крепко мелковатый, Любочка. Боюсь, Любочка, что ты проиграла." "А ты не беспокойся за меня, Танечка, - сказала Любочка. - "Ты лучше за себя бес-

докойся." "Победит сильнейший", - нетерпеливо сказал Сидевший Рядом. - "Спорт есть спорт, жизнь есть жизнь. Уточним, на всякий случай, условия." "А что ты, вообще, все время вылезаешь?" - возмутилась Любочка. - "Какие еще условия? Что еще за условия? Условия какие-то. Условия обычные! Условия... Мы, может, сами договоримся. Без тебя. А ты здесь кто такой?" "Без меня - нельзя", - улыбнулся Сидевший Рядом. "Без него - нельзя?" - спросила Танечка. "Мне все это", - сказал Грамотный, - "надоели". "Хорошо", - сказала Любочка. - "Действительно, урок не резиновый. Условия такие: ладно, с конфетами все ясно, договорились. Ладно. Дальше. Танечка диктует слова. Ты пишишь. Без ошибок. Как обычно. Без ошибок.. Я надеюсь на тебя. Одна твоя ошибка - я проиграла. Сам Савченко тебя хвалил. Груздь тебя хвалила. Петровова хвалила. Не подведи." "Не подведем", - сказал Сидевший Рядом. - "Копите деньги на конфеты." "Мехзга", - презрительно сказала Танечка. "Конфеты - через урок", - сказал Сидевший Рядом. "Завтра", - сказала Любочка. "Сегодня", - сказала Танечка. "Давай, диктуй," - сказал Грамотный. "Тридцать слов", - сказала Танечка. "Двадцать пять", - сказала Любочка. "Обычно мы, вообще-то, пишем двадцать", - сказал Сидевший Рядом. - "У Савченко у вашего было двадцать. У вашей у Петрововой было двадцать. У кого они там выиграли. Я не помню. У Карапетьянца, по-моему? У Чистовой? У кого-то там. Я не помню." "Тридцать", - сказал Грамотный. - "Давай, диктуй свои тридцать". "Точно, что ли, тридцать?" - встревоженно спросил Сидевший Рядом. - "Зачем? Подумай!" "Ага!" - сказала Танечка. - "Испугались?" "Ха!" - воскликнул Сидевший Рядом. - "Мы - испугались! Ха! Мы - испугались!! Ха! Ха!" "Хорош хакать", - зло сказала Танечка. "Действительно, Танечка", - сказала Любочка, - "почему-вдруг именно - тридцать? У других было двадцать. А у нас - вдруг будет тридцать. Давай двадцать? А? Двадцать. Это будет более справедливо." "Другие, Любочка, и спорили на существенно меньше", - сказала Танечка. - "Мы же с тобой, Любочка, договаривались. Я смотрю, Любочка, ты сильно не уверена в своих силах." "Я", - сказала Любочка, - "за тебя, Танечка, беспокоюсь." "А ты не беспокойся за меня, Любочка",

— сказала Танечка. — "Ты лучше, ласточка, за себя беспокойся." "Я готов, — сказал Грамотный. "А мне за себя, Танечка, нечего беспокоиться", — сказала Любочка", — "Правда, мальчик?" "Он готов", — сказал Сидевший Рядом. — "Дайте ему бумагу и ручку". "Чем выступать", — сказала Любочка, — "лучше дай ему, Танечка, бумагу и ручку." "Почему это — я дай?" — сказала Танечка. "Деловые! Ты что, Любочка, сама не можешь дать ему бумагу и ручку?" "Какая ты все-таки, Танечка", — сказала Любочка, — "я не знаю. У тебя же есть бумага и ручка." "И у тебя тоже есть", — сказала Танечка. "А это, Танечка", — сказала Любочка, — "тебя не касается. Что у меня есть, чего нет. Ты лучше, Танечка, за собой лучше следи, хорошо? Я из принципа не дам. По условиям спора ты должна ему дать. Ты. Вот и будь любезна, Танечка, дай." "Ты не много на себя взяла, Любочка?" — спросила Танечка. — "Как ты думаешь?" "У меня есть бумага и ручка", — сказал Грамотный. — "Диктуйте уже". "Нет, ни в коем случае", — сказал Сидевший Рядом. — "Ты про это забудь. Они обязаны обеспечить нас бумагой и ручкой." "Да ладно", — сказал Грамотный. "Нет, ни в коем случае. Дело принципа", — сказал Сидевший Рядом. — "Это же такие гиены, ты что!.. Им только позоволь..." "Какие еще гиены!" — возмутилась Любочка. — "Гиены еще какие-то..." "Любочка", — сказала Танечка, — "эта мелкая забываеться. Внимайте выражения, мелкая." "Да", — сказала Любочка. — "Внимайте!" "Терпение", — сказал Сидевший Рядом. — "Терпение, вот что у нас сейчас лопнет. И даже, может быть, уже наполовину лопнуло. Я вам не рекомендовал бы его еще испытывать. Это я вам как импресарио говорю".

... но сколько можно их бояться?

"Я пошел", — сказал Грамотный, и пошел. Сидевший Рядом схватил его за плечо. "Ну, все, все", — сказал он успокаивающе. — "Ну, все уже. Уже все. Они уже все поняли. Осознали. Они уже больше не играют на наших нервах." Он повысил голос: "Мне думается, я правильно говорю?" Танечка переглянулась с Любочкой. "Ну же, Танечка", — нетерпеливо сказала Любочка.

... всегда, их можно бояться всегда.

Танечка вздохнула и вытащила за краешек из большой книги, из

словаря, лист бумаги. "А ручку, Любочка, - сказала Танечка, - дай все-таки ты". Любочка вздохнула и отцепила от черного передничка зацепленную за передничек огромную авторучку. Танечка и Любочка переглянулись и одновременно положили авторучку и лист бумаги на подоконник. "Пиши", - сказала Танечка. - "Я диктую." "А где у нас волшебное слово?" - спросил Сидевший Рядом. "Ну - пожалуйста", - сказала Танечка. - "Пожалуйста. Ну, пожалуйста. Ну, пожалуйста. Ну, пожалуйста, пожалуйста, я диктую." "Она", - сказал Сидевший Рядом, - "диктует." Грамотный склонился над подоконником. "Она диктует", - сказал Сидевший Рядом. - "Мы готовы. Мы приготовились. Мы", - спросил он Грамотного, - "готовы?" "Отвали", - сказал Грамотный. "Мы готовы", - сказал Сидевший рядом. Он похлопал Грамотного по плечу, - "Мы готовы. Можете диктовать."

Танечка раскрыла словарь на первой закладочке и сказала: "Приготовился? Давай. Амальгамирование." "Амальгамирование", - возбужденно зашептал Сидевший Рядом. "Амальгамирование", - стиснула кулачки Любочка. - "Амальгамирование." "Амальгамирование", - написал Грамотный. "Дай посмотреть", - сказала Танечка. Она склонилась над листком. Любочка склонилась над Танечкой. Сидевший Рядом взволнованно ухмыльнулся. "Правильно", - сказала Танечка. "Ха!" - сказал Сидевший Рядом. "Вот видишь, Танечка!" - сказала Любочка. - "Вот!.. Молодец!" - сказала Любочка Грамотному. "Цеплят считают", - сказала Танечка, - "по осени, Любочка. А некоторым необразованным бы надо бы помолчать." "Ой! Да ты сама хоть знаешь, что такое амальгамирование?" - презрительно спросила Любочка Танечку. "Да я-то знаю, Любочка, а вот ты-то знаешь, что такое амальгамирование?" "Если бы я сначала прочитала, я бы тоже, конечно, Танечка, знала, не беспокойся!" - сказала Любочка. "А ты, вообще-то, сам хоть знаешь, что такое амальгамирование?" - презрительно спросила Танечка Грамотного. "А это никого не касается", - сказал Сидевший Рядом. - "Амальгамирование - не амальгамирование - это уже не наша забота. Нам диктуют - мы пишем. А что нам диктуют - это уже не наша забота." "Знаю", - сказал Грамотный. "Знаешь?" -

спросила Танечка. "Знаю", - сказал Грамотный. "Знаешь?", - переспросила Танечка. "Знаю", - сказал Грамотный. "Тогда скажи", - сказала Танечка. "Ты точно знаешь?" - спросил Сидевший Рядом. "Знаю. Отвали", - сказал Грамотный. "Тогда скажи", - сказала Танечка. "Но, Танечка, - сказала Любочка, - "урок не резиновый." "Зачем?" - спросил Грамотный. "Что - зачем?" - спросила Танечка. "За что?" - резко спросил Сидевший Рядом. Танечка и Любочка уставились на Сидевшего Рядом. "Что - за что?" - спросила Танечка. "Да, что - за что?" - спросила Любочка. "Отвали," - сказал Грамотный. "Хорошо", - сказал я Сидевший Рядом и объяснил: "Объясню. Слова могут быть объяснены, по нашем их написанию, на отдельных условиях. Эти условия - полкило конфет, то есть - еще полкило конфет, если все слова объяснены правильно, и минус пятьдесят грамм с нас за каждое неправильное объясненное". "Ну, Танечка?", - злорадно спросила Любочка. "Что, Любочка?", - злобно спросила Танечка. "Впрягаешься?" - спросила Любочка. "Не гони, Любочка, - сказала Танечка. - "Очень тебя прошу, Любочка, не гони." "Урок не резиновый", - напомнил Сидевший Рядом. "Правда, Танечка", - злорадно сказала Танечке Любочка. "Не гони, Любочка", - задумчиво сказала Танечка. - "Как родную тебя прошу, не гони." "Не надо конфет", - сказал Грамотный. "Не слушайте его", - сказал Сидевший Рядом. "Я не сумею объяснить, как тезаурус", - сказал Грамотный. "Ты не сумеешь объяснить, как тезаурус?" - изумился Сидевший Рядом. - "Зачем ты на себя наговариваешь?" "Он не тезаурус, Любочка", - злорадно сказала Танечка. - "Смешно требовать от такого, в целом, мелкого ребенка, чтобы он был тезаурусом." "Ты тоже не тезаурус, Танечка", - сказала Любочка. "И ты тоже, Любочка, не тезаурус", - сказала Танечка. "Все мы", - сказал Сидевший Рядом, - "не он." "Я могу..." - сказал Грамотный. "Он может!.." - оживился Сидевший Рядом. "... раскрыть слово контекстуально." "Контекстуально", - сказал Сидевший Рядом. "Слово существует только в контексте. Это ясно. Есть слова дружные и недружные. Вы же тоже знаете. Амальгамирование - недружное слово. И невивое. Но простое, потому что трудное. Это понятно. Самые

трудные — это простые слова. Живые. Дружные. Дружные и живые." "Каков орленок!" — сказал Сидевший Рядом. — "Полкило. Не меньше. Скажи им по-человечески, что мы хотим им сказать." "Отвали", — сказал Грамотный. "Скажи ей по-человечески", — сказала Любочка, — "что ты хочешь нам сказать. Пусть впрягется. Я хочу, чтобы она впряглась в еще полкило." "Что ты, ей богу, Любочка, вообще", — усмехнулась Танечка. "Какая дерганая... Что ты, милая, что ты..." "Я могу", — сказал Грамотный, — "вписать слова в контекст." "Вот именно", — сказал Сидевший Рядом. "Написать рассказ", — сказал Грамотный, — "но не рассказ, но ткань, но текст, но контекст; скепить слова вместе." "Сцепка", — сказал Сидевший Рядом, — "весит, соответственно, как раз полкило." "Отвали", — устало сказал Грамотный. "Так", — сказала Танечка, — "так..." "Так", — сказала Любочка. — "Ну?" "Так", — сказала Танечка, — "так... Значит, можно будет правильно понять, что значит каждое слово? Я правильно поняла?" "Умница!" — сказал Сидевший Рядом. — "Какая она, все-таки, умница!" "Не наглей", — сказала Танечка. — "Не наглей." "Не непременно правильно понять, но правильно догадаться", — сказал Грамотный. "Впрягаешься?" — спросила Любочка. "Думаю", — сказала Танечка. "О чём это?" — спросила Любочка. "Думаю, откуда у них, думаш, деньги, Любочка, откуда у них, Любочка, деньги." "Ой, вот не надо", — сказал Сидевший Рядом. — "Что такое? О чём ты думаешь? Что это за недетские мысли?" "Не говори мне — "ты", "ты", — надменно сказала Танечка. "Почему я не должен говорить тебе — "ты"?" — удивился Сидевший Рядом. "Поэтому что ты мал", — надменно сказала Танечка. "Это — проходище", — надменно улыбнулся Сидевший Рядом. "Ну, я не знаю", — надменно сказала Любочка. — "Это их дела. Я не знаю. Чтонибудь чужое продадут. Урок, вообще, не резиновый. Ты впрягаешься?" "Ладно", — сказала Танечка. — "Надо их учить. Придумывайте, что украсть, мелкага." "Контекстуальный текст — когда?" — спросил Сидевший Рядом Грамотного. "Отвали. Через урок," — сказал Грамотный. "Именно", — сказал Сидевший Рядом. — "А конфеты — завтра." "Ладно", — сказала Танечка. — "Мелкагу надо давить. Погнали дальше. Амикошонство". "Ами-

кошонство?" - спросила Любочка. "Амикошонство!" - заорал Сидевший Рядом. "Амикошонство!!" Грамотный написал. Танечка склонилась. "Правильно", - сказала Танечка. "Браво, мелочь!" "Не амикошонствуй", - сказал Сидевший Рядом. "Браво, мелочь!" - радостно сказала Любочка. "Пятьдесят грамм наши", - сказал Сидевший Рядом. "Анабаптист." "Анабаптист!" "С ума сойти, вообще", - сказала Любочка. Грамотный написал. "Правильно", - сказала Танечка. "Естественно", - сказал Сидевший Рядом. "Антиминтеллектуализм", - сказала Танечка. "Ой, боже!" - сказала Любочка. "Что, Любочка?" - ласково спросила Танечка. "Полная тишина!" - сказал Сидевший Рядом. Грамотный написал. "Это что у тебя - "и"? - спросила Танечка. "Где - "и"? - вскочил Сидевший Рядом. - "Это опечатка. Где - "и"? Это - "е""", - сказал Грамотный. "Точно: "е""", - сказала Любочка. "Ладно, не слепая", - сказала Танечка. - "Тоже мне... Денатуратчик." "Кто?" - спросил Сидевший Рядом, выгадывая Грамотному время. "Что - кто? Ты!" - сказала Танечка. "Денатуратчик?" "Да. Денатуратчик." "Денатуратчик!" - сказала Любочка. - "Уот из денатуратчик?" Грамотный написал. Танечка взглянула и сощурилась. "Дискриминация." "Негров?" - спросил Сидевший Рядом, выгадывая Грамотному время. "Всех", - сказала Танечка. - "Тебя. Вообще, не мешай." Грамотный написал. Танечка взглянула и сощурилась: "Пока канашь." "Шесть слов наши", - сказал Сидевший Рядом. "Наши", - сказала Любочка. - "Вообще." "Дифференцирование", - сказала Танечка. Грамотный написал. Танечка сощурилась. "Конъюктивит." Грамотный написал. Танечка сощурилась. "Конъюктивита." Грамотный написал. Танечка скривилась. "Девять слов наши", - сказал Сидевший Рядом. "Наши", - сказала Любочка. - "Вообще." "Магараджа". Грамотный написал. "Инсипитор." Грамотный написал. "Моридизи." "Мюр и моридизи", - сказал Сидевший Рядом. Грамотный написал. "Тетрадрахма." Грамотный написал. "Жмыходробилка!" Грамотный написал. "Меридиональный." Грамотный написал. "Дай-ка", - сказала Танечка. "На-ка." Грамотный дал ей лист. "Но ведь "меридиан", " - сказала Танечка, - "пишется через - "а". "Через "а", - сказал Сидевший Рядом. - "Через "а". А ты что думала, через "ю"?"

"Через "а"?" - спросила Любочка. "Через "а", - сказал Грамотный. "Значит, через "а", - сказала Любочка. "А "меридиональный", значит", - зловеще сказала Танечка, - "через "о"?" "Почему?" - спросил Сидевший Рядом. "Так получается", - сказала Танечка. "А у него как?" - спросил Сидевший Рядом. "У него", - сказала Танечка, - "через "о". "А ты что думала, через "е"?" - вскочил Сидевший Рядом. - "Это опечатка. Через "о". Через "а". Тайм-аут. Минутный перерыв. Это опечатка." "Ах, опечатка!" - сказала Танечка. "Это опечатка. Он опечатался. Он описался. В словаре опечатка." "Значит, опечатка?" - спросила Танечка. "Эх, ты!" - сказала Любочка. - "Вообще." "Должно быть через "о", - сказал Грамотный. "Тихо, тихо", - сказал Сидевший Рядом. "Откуда ты знаешь?" - спросила Танечка. "Я не знаю. Я знаю." "Черт", - сказала Танечка. - "Черт. Правильно, клещ. Через "о". В словаре через "о". Черт." "Ха!" - воскликнул Сидевший Рядом. - "Ха! Ха! Ха-ха-ха!" "Хорош хакать", - зло сказала Танечка. "Ага, Танечка!" - сказала Любочка. - "Забоялась! Утратила душевное равновесие!" "О себе беспокойся, Любочка", - сказала Танечка, - "о себе, кровиночка моя, ласточка моя, беспокойся." "Дальше", - сказал Грамотный. - "Дальше, дальше." "Она в нокдауне", - сказал Сидевший Рядом. - "Она хочет выбросить на ринг белое полотенце. Она идет взглядом белое полотенце. В туалете есть белое полотенце. Висит. Не очень белое, но беловатое. Хочешь, сбегаю в туалет?" "Сбегай", - ласково сказала Танечка. - "Сбегай. И бог тебя хранит еще вякнуть." "Ладно, дальше", - сказал Сидевший Рядом. "Эпидиаскоп", - сказала Танечка. "Пахлава", - прошипела Танечка. "Фантасмагорический", - процедила Танечка. "Эспланада", - бросила Танечка. "Сколопендра!" - рявкнула Танечка. "Суверенитет", - прорычала Танечка. "Суверенитет", - прорыдала Танечка. "Хоругвеносец", - прохрипела Танечка. "Мелодекламатор", - пролаяла Танечка. "Ферромолибден", - вскрикнула Танечка. "Провиденциализм", - всхлипнула Танечка. "Неноифагорейство", - прошептала Танечка. "Герпетологический!" - взвигнула Танечка. "Ящур!", - заорала Танечка. "Тетеревенок! Мышонок!" "Пасквилянство", - устало сказала Танечка.

"Хламидомонада", - заплакала Танечка. Грамотный написал.
"Ты забылась", - холодно сказал Сидевший Рядом. - "Здесь тридцать три слова. На слово больше, чем зубов. Я считал."
"Все правильно", - прошептала Танечка. - "Я забылась." Она уронила голову на грудь, словаря на пол.

Сидевший Рядом подпрыгнул до потолка и закричал: "Мы победили!" "Мы победили", - буднично повторил он, приземляясь. - "Если бы я был на твоем месте и у меня бы был револьвер, я бы знал, что с ним делать."

Танечка оскалилась и выхватила из кармана передничка револьвер. Первая пуля пробила грудь Грамотного, вторая зацепила печень, третья, четвертая и пятая просвистели над левым ухом, над макушкой, над правым ухом Грамотного, влепились в крашенную грязной масляной краской стену, отскочили от стены, просвистели над левым ухом, над макушкой, над правым ухом Грамотного и упали на излете в карман танечкиного передничка, куда Танечка опустила, предварительно подув в дуло, черный лоснящийся револьвер. Грамотный упал.
"Потише, пожалуйста", - сказал, открыв дверь кабинета физики, старый физик. - "Не шумите. Почему вы не на уроке? Вы мешаете заниматься. Какая может быть стрельба во время урока? Почему вы не на уроке? Вы мешаете заниматься!"
"Уже все, Сер Палыч", - сказала Танечка, очаровательно ухмыльнувшись. "Уже все, уже, уже мы больше все уже, уже не будем, уже." Старый физик со стуком захлопнул дверь кабинета, и, потрясенный стуком, потолок упал на плечи Грамотного, который снова упал и стал медленно протягивать, погребенный под слоем штукатурки и грудой арматурных прутьев, под слоем песка, руки к Танечке, которая напрыгнула на него и, выхватив мясницкий нож из кармана передничка, начала неторопливо вонзать мясницкий нож по рукоятку в печень, в селезенку, в поджелудочную железу, в желудок, в сердце, в почки, в печень Грамотного, настругала Грамотного ломтями, запихнула Грамотного в мешок, куском пеньки из кармана передничка затянула на горле Грамотного горло мешка и сбросила мешок в ртутный пруд, в зловонное озеро, вынула из кармана передничка походную алюминиевую флягу с цикутой и

выпила, железными пальцами левой руки надавив на нижнюю челюсть Грамотного, полфляги в горло, в рот запрокинутой головы Грамотного и воткнула, сравняв с землей школьного паркета могилу Грамотного, в могилу Грамотного извлеченный из кармана школьного передничка небольшой осиновый кол. "Горячий", - сказала Любочка.

"Браво", - сказала Танечка, криво усмехаясь. - "Браво, Грамотный! Молодец." "Все же, Танечка", - сказала Любочка, - "вот ты видишь: Савченко был прав. Савченко был прав, как всегда." "Способный мальчик", - сказала Танечка. - "Способный пацанок, несомненно. А насчет Савченки, Любочка, ты не особенно, Любочка, насчет него воспаряй. Как бы потом плакать не пришлось, родная, насчет Савченки, как бы потом, моя родная, не пришлось рыдать, родная Любочка ты моя." "Ох!" - сказала Любочка. - "Что ты, что ты, Танечка!" "Тихо, тихо", - тихо сказала Танечка. "Танечка, ты что-то знаешь? Ты что-то знаешь!" - сказала Любочка. "Спокойно", - спокойно сказала Танечка. - "Пошли, Любочка." "Пошли, Танечка." Они пошли, всхлипывая и хихикая, вдоль по длинному коридору, в коричневой глубине которого начинался неожиданный, всякий раз неожиданный яркий свет, всасывающий в себя и растворяющий в себе всякого, в него допадавшего, и исчезли. Голоса их сделались глушее, тише, дальше, шаги их сделались громче, приблизились, звук громыхающих шагов нарастал.

"Я не могу", - сказал Грамотный, прижимаясь лбом к стеклу, - "я не могу, эта кованая кирза..." "Что такое?" - спросил Сидевший Рядом. - "В чем дело? Новая идея? Новый замысел? Какая это такая кованая кирза?.." "Кованые сапоги", - сказал Грамотный, прижимаясь подбородком к стеклу. "Кованые яловые сапоги", - сказал Сидевший Рядом. - "Яловые, конечно. Ни в коем случае не кирза." "Стучат", - сказал Грамотный. "Это эффект Допплера", - сказал Сидевший Рядом. - "Или Кеплера. Или Каплера. И никаких шагов я не слышу. Ох, эти мне тонкие натуры. Ох, творцы. Ох, эти мне тонкие творцы. Пошли в класс." Сидевший Рядом взял Грамотного за руку, потянул. Грамотный покорно шел. "Сволочи", - сказал Грамотный. "Ну, ну", - сказал Сидевший Рядом. "Все будет хорошо", - сказал Сидевший Рядом. "Конфеты наши. Все конфеты будут

наши. Весь мир! Ты еще ругаешься. Что ты! Все конфеты будут наши. Все, что нам надо, чтобы было наше, все будет наше. Ты должен на них молиться, а не ругаться." "Но у них мертвые слова", - сказал Грамотный. "А вот этого", - сказал Сидевший Рядом, подмигивая Грамотному перед дверью классной комнаты, - "не люблю." И они вошли в класс.

Когда они вошли в класс, Учительница русского языка в мертвой тишине заканчивала объяснение форм повелительного наклонения глаголов русского языка. "Глянь", - негромко говорила она, прохаживаясь вдоль доски... "Увянь. Окинь. И отринь. Янь - инь." Записывая всем классом: янь - инь. Всем классом, я сказала. Янь - инь." "Можно?" - спросил Сидевший Рядом от двери. Учительница повернула к нему лицо. "Почему так долго?" - медленно спросила Учительница. - "Где вы были, вообще-то?" Вдруг черты ее лица смягчились, расслабились, расплылись, поплыли, щечки затоцили морщинки и глазки и свесились с подбородочка, и она, издав вздох, ласково спросила: "Ну, как? Нам не было страшно? Нет? Мы же мужчины, правда? Ничего страшного, правда? Не очень больно, правда? Мы все стерпели, правда? Все обошлось, да? Правда?" "Конечно", - сказал Сидевший Рядом, пожимая плечами, сжимая плечи Грамотного, - "конечно, все обошлось. С утра немножко скучал за завтраком конфет "Мишка на Севере", было дело. Немножко крутизнуло кишечник как результат. Но теперь, конечно, все обошлось." "Идите на место", - ледяным, нутряным голосом сказала Учительница, восстанавливая на лице тетя-тонскую резкость черт. Сидевший Рядом подмигнул классу. Класс захохотал. Зазвенел звонок. Учительница, стучакаблуками, вышла из класса. Класс вышел из класса. Грамотный сел на место. Он положил перед собой на парту написанные им под танечкину диктовку слова и стал смотреть на них, содрогаясь от омерзения. Вялые, они валялись, сваленные в кучу, на листе, розовато-серые, одрябло-мягкие, словно спящие, с наркотически закатившимися зрачками приоткрытых мутноватых глаз, с приоткрытыми, обметанными простудой, стянутыми беловатой пленкой ртами, из которых вырывалось сиплое, несвежее дыхание. "Не грусти", - сказал, подходя, Сидевший Рядом. - "Все исключительно замечательно... Что, любуешься

нашими полками? Какие красотули! Ты смотри. Антиинтеллектуализм. Я озверевал. Какие же мы все-таки молодцы! "Отвали", - сказал Грамотный. "Фас понял", - сказал Сидевший Рядом, дружески потрепав Грамотного по затылку и тут же с преувеличенной опасливостью отскочив. - "Идет работа мысли, да? Не буду, не осмеливаюсь мешать работе мысли творца, поскольку нам еще маячит впереди еще подкило. Не в полках, конечно, дело!" - крикнул Сидевший Рядом от дверей классной комнаты. - "Твори, творец!" Он наполовину исчез за дверью. "Но, конечно, и в полках тоже." Он исчез за дверью. Кованое клацанье приблизилось. Грамотный тупо уставился на горку полумертвых слов, брошенных на дно оврага бесчисленными пинками кованых сапог. Зазвенел звонок. Начиналась литература.

Вошка Учительница русского языка, которая теперь была Учительницей литературы. Она окинула взглядом портреты классиков по зеленоватым стенам классной комнаты и с непривычью посмотрела на класс. "Сцепляй слова, пока есть время!" - шепнул Сидевший Рядом Грамотному. - "Сцепляй!" "Отвали!", - сказал Сидевшему Рядом Грамотный. - "Отвали." "Не могу!" - шепнул Сидевший Рядом Грамотному. - "И рад бы, да не могу!" "Тишина!" - крикнула Учительница литературы. - "Полная тишина!" Она пошла в тишине по классу, у нее была формата почтовой открытки колода художественных репродукций в руках. Перед каждым легла на парту художественная репродукция. Класс вздохнул, задумался, заворочался, застонал. "За работу!" - приказала Учительница литературы. - "Описываем, чего видим. Все открыли тетрадки по русскому языку. Не меньше десяти предложений. Я сказала, полная тишина! Полная! А: без ошибок и бэ: художественно. Начали описывать. Отметка будет двойная. Дежурный, проследи, чтобы была полная тишина. Я скоро приду. Полная тишина! За работу! Открыли тетради - и за работу! Значит, описываем, чего видим." ("Балбесы", - пробурчала себе под нос Учительница литературы и ушла в магазин.) Класс по-волчьи взвыл, заходил ходуном и углубился в аналитическую работу.

"У тебя что?" - спросил Сидевший Рядом. Грамотный

взглянул на легшую поверх горки полумертвых слов репродукцию. Картинка называлась "У моря" и принадлежала кисти художника Сипунова. На картинке было море, у которого стоял человек. Человек был дан со спиной. Море было неспокойно, волнисто, свинцово, в потеках типографской краски, безбрежно и не наводило на размышления. Северное море. За пределами картинки подразумевались черные скалы. Птицы. Человек держал в руке морского ежа. Присмотревшись, Грамотный понял, что в руке у человека компас. Присмотревшись, Грамотный понял, что в руке у человека нет ничего, кроме потека типографской краски. Человек был одет в длинный прорезиненный плащ с капюшоном. Капюшон был раздут ветром до очертаний шатра кобры перед броском. "А у меня вот что", - сказал Сидевший Рядом Грамотному и положил свою репродукцию поверх репродукции Грамотного. Картинка называлась "В поле" и принадлежала кисти художника Сипунова. На картине было поле, и в поле трактор, и возле трактора - трактористка. Трактористка была дана вполоборота. Поле было пестро, бескрайне, предзакатно, все в колышущихся колосьях, все в невероятно ярких цветах, которые, в отличие от колосьев, не колыхались. На трактористке был заляпанный типографской краской комбинезон. В руке она держала цветок. Цветок был размером и формой схож с кочешком брюссельской капусты. "Красота!" - сказал Сидевший Рядом. - "Мне этого просто не описать. Просто какой-то Джотто, а не Сипунов." "А у тебя, вообще-то, чего?" - спросила Грамотного Сидевшая Впереди. Грамотный покраснел и промолчал. "А у меня смотри, вот чего." Сидевшая Впереди положила поверх репродукции Сидевшего Рядом свою репродукцию картинки кисти художника Сипунова, которая называлась "На космодроме". На картинке был изображен космодром. Космодром был серо-бел и необозрим. Небо над ним было безоблачно и рыже-голубо. В нем парило несколько голубей, похожих оскалом клюва и постановкой крыла на маленьких птеродактилей. В центре космодрома помещались космический корабль и космонавт рядом с ним. Космонавт был дан с лица, в скафандре, и смотрел на часы. Космический корабль разводил пары. Картина вызывала смутное беспокойство. "Десять предложений", - сказала Сидевшая Впереди, - "вообще-то, десять предложений".

всего, а у меня с художественностью нехорошо. Ты напиши, вообще-то. Ты как?" "Не пиши ей", — сказал Сидевший Рядом. — "Что такое? Все садятся на голову. Твоя голова принадлежит не только тебе." Сидевшая Впереди улынулась Грамотному. "Пожа — алуста, — сказала она. — Ну пожа — алуста. Ну пожа — алуста. Ну, я тебя прошу. Ну я тебя прошу. Я прошу." "Ты пустая кокетка", — сказал Сидевший Рядом. — "Ты своим пустым кокетством все портишь. Ты всегда все будешь портить своим пустым кокетством. Из тебя вырастет глупая пустая кокетка. Которая всегда все будет портить своим пустым кокетством." "А ты — дурак", — сказала Сидевшему Рядом Сидевшая Впереди. Они смотрели друг на друга с объединяющей ненавистью, и ни один не мог отвести взгляда от глаз другого, и дока они, взявшись за руки, протискивались в темный подъезд, в тесноту тамбура поезда, следовавшего на черноморское побережье, в дымный шумный тяжеломраморный ресторан, пока они, дурашливо хохоча и визжа, бегали по мелкой теплой и соленой воде, одновременно падая на мелковолнистый песок под мелкой водой и швыряя друг в друга пригоршки теплой, мелкой и соленой воды, везде шумно дыша и долго и деловито цаляясь, Грамотный придинул к себе космическую репродукцию Сипунова и начал, придинув к себе лист бумаги, зажимая уши ладонями, закрывая глаза, краснея и задыхаясь, мелко дрожа, уткнувшись носом в подушку, быстро писать: "На космодроме. На космодроме. Как пустынно, как все странно на космодроме! Это еще как бы земля, но уже как бы и космос, а не земля. На космодром посторонних не пускают (подумал и зачеркнул). Как нам хотелось стать не посторонними (подумал и зачеркнул). Какой я был дурак (подумал и зачеркнул). Стоять на космодроме, прощаясь — ненадолго — с жизнью на Земле и Землей. Стоять, готовиться к перегрузкам. Как будто мало было нам на Земле перегрузок (подумал и зачеркнул). Небывало разреженное небо, раскрытый рот, пытающийся поймать воздух, потом ночь, но ночь не страшна, если день был плох (подумал и зачеркнул). Как мы с тобой мечтали совершать обороты вокруг Земли, смотреть на этот эллипсоид, а еще лучше — удаляться от него, где нас непре-

менно ждет что-то, от чего мы зря и не по своей вине ушли, и к чему вернуться - и смысл, и цель; как мы с тобой мечтали умереть в космосе, в надмирном вакууме (подумал и зачеркнул): как жаль, что мы умерли молодыми (подумал и все зачеркнул, жирно, жирно все зачеркнул). О космодром, космодром! Отважный пионер космоса стоит у белоснежного космического корабля. Он смотрит на часы. Скоро старт.. Скоро он отправится в неизвестность. Он волнуется, но он горд. Он проектирует новые пути. По его пути пойдут другие. Далеко они пойдут, далеко. А пока - пока Земля. На картине - последний порог Земли, выжженная солнцем степь, бетон, небо, космический корабль, земное время, которое скоро начнет космический отсчет, и если корабль вдруг полетит со скоростью света, то космонавт выйдет из корабля молодым на старой Земле, но этого с ним не произойдет. Он проложит еще одну уверенную трассу между звезд, космонавт!" Подумал и подписался: Сидевшая Впереди. Он посмотрел на Сидевшего. Рядом и Сидевшую Впереди. Они все еще смотрели друг на друга, прозрачно, красновато светясь. Он приблизил к себе степную репродукцию Сидевшего Рядом, приблизил к себе чистый лист: "В поле. Трактористка в поле. Страда в разгаре, а трактористка смотрит на цветок: скоро осень. Трактористка задержалась вместе с трактором в поле, чтобы полюбоваться в поле цветком (подумал и зачеркнул). Сколько в хлебном поле цветов! (подумал и зачеркнул). Скоро осень! Последние цветы уходящего лета! Весь день трактористка перепахивала поле, сеяла, убирала урожай, засыпала в закрома, засыпая от усталости за штурвалом своего степного трактора, и вот теперь она, вдыхая аромат скошенных трав, в полной тишине, сорвала наручий цветок и внимательно любуется им! На губах ее бессмыленная (подумал и зачеркнул) загадочная усталая улыбка. Как огромен мир! Как прекрасен! Как тверд и ясен взгляд трактористки! Как он стирает случайные черты! Как хорошо, как необходимо на всем скаку остановиться, оглянуться во гневе! (подумал и зачеркнул). Как часто так суётна наша жизнь. Бежим, бежим, думает трактористка, бежим, бежим, а остановиться, сорвать цветок, понюхать его, полюбоваться им - для этого Время мало (подумал и зачеркнул) не хватает времени,

Но как прекрасна жизнь! Как цветок! Что ждет трактористку впереди? Впереди ее ждет счастье: такое же бескрайнее, как это обмоченное ее поле, и даже еще неописуемо более бескрайнее. Трактористка, трактор и цветок — последний взгляд назад, в уходящее лето, первый взгляд вперед, в наступающую осень: о жизни!" Он подписался: Сидевший Рядом. Он отодвинул от себя репродукцию Сидевшего Рядом, отодвинул от себя репродукцию Сидевшей Впереди и посмотрел на свою репродукцию. Он снял свою репродукцию полотна художника Сипунова со слов, написанных им на уроке русского языка на подоконнике. Он почувствовал себя лучше. Из слоя песка начали высываться еще вялые, но уже живые руки, чье-то дыхание уже зашевелило песок, уже кто-то пытался стряхнуть песок с лица, и стонал.

Он посмотрел на Сидевшего Рядом и на Сидевшую Впереди. Они смотрели друг на друга сначала холодно, потом с нарастающим холодным омерзением: без любви. Они разом отвернулись друг от друга и уставились на Грамотного. Они смотрели на Грамотного холодно, но без омерзения. Без любви. Это было больно. Не отводя от него взгляда, Сидевшая Впереди взяла листок с описанием космодромной репродукции Сипунова. "Спасибо", — сказала она, скосив холодные, надменные глаза и улыбаясь, и улыбаясь. — "Какой ты милый! Какой ты милый! Как мне с тобой хорошо." Она отвернулась от Грамотного и принялась переписывать его слова в свою тетрадь по русскому языку. "Спасибо"! — горячо шепнул Сидевший Рядом, холодно глядя на Грамотного. — "Спасибо! Ты — друг. Ты — друг без кавычек. Я всю жизнь мечтал о таком." Он взял листок с описанием степной репродукции Сипунова и стал, вдохновенно глядя в прямую спину Сидевшей Впереди, переписывать слова Грамотного в свою тетрадь по русскому языку.

Теперь важно было не торопиться и не споздать. Грамотный раскрыл свою тетрадь по русскому языку. Тетрадь была пуста. Он написал на первой странице крупно: У моря. Не успел он почувствовать слово — море, слово — волна, слово пена на слове песок во время слова прибой, за дверью загромыхали шаги, ужасно заколотились в уши, но дверь распахнулась,

шаги стиски, и в класс вошла Учительница литературы и русского языка. "Заканчивайте, дети. Осталось четырнадцать минут", — ласково сказала она. Класс еще ниже склонился над репродукциями картин художника Синунова. "Начинаем заканчивать!.. А ты зачем пишешь?", — ласково спросила Учительница, подходя к Грамотному. — "Разве я дала тебе репродукцию?" "Дала", — сказал Грамотный. "Я дала тебе репродукцию по ошибке. Тебе не надо писать." "Я хочу написать", — сказал Грамотный. "Ты, конечно, можешь писать", — сказала Учительница, — "но тебе не надо писать." "Тогда я напишу", — сказал Грамотный. "Ты, конечно, можешь написать", — сказала Учительница, — "но ты же знаешь, что я тебя освободила от необходимости писать, потому что ты же знаешь, что мне все ясно с тобой." "Я все-таки напишу", — сказал Грамотный. "Ты, конечно, можешь написать", — сказала Учительница, — "но зачем? Я тебя освободила, а мое слово очень твердое, ты же знаешь. Я уже поставила тебе отлично, я у тебя тетрадь не возьму." "Я все же напишу", — сказал Грамотный. "Это ради бога", — сказала Учительница, — "но зачем? Я у тебя тетрадь не возьму. Ты же знаешь, как я к тебе отношусь. Как я тебя ценю. А я ценю, что ты не хочешь поблажек. Но я не могу отступиться от того, что сказала. Потому что — что тогда они", — Учительница небрежно обвела рукой класс, — "если я отступлюсь от того, что они все слышали, что тогда они подумают обо мне?" "Я все же напишу", — сказал Грамотный. "Ну что ты, глупенький", — ласково улыбнулась Учительница. — "Пожалуйста, конечно, глупенький, но — зачем?" "Я хочу написать", — сказал Грамотный. "Как хочешь!" — злобно крикнула Учительница, поворачиваясь на каблуках. — "Дело хозяйское. Но я у тебя тетрадь не возьму." Она гневно вышла на кафедру. "Восемь минут!" — закричала она с кафедры. — "Осталось семь минут! Шесть минут! Пять минут!"

"Человек стоит у моря", — написал Грамотный, — "и все, что он видит — это волны, сливавшиеся в одну волну, накатывавшуюся на бесконечный песчаный берег, оставляющую пену на песке, повторяющую очертания очередной, одной и той же волны. Человек стоял у моря, лицом к морю, и только морю

было видно его лицо. И на мгновение могло показаться, что он не нужен у моря. Человек был одет так, что по виду его одежды нельзя было понять ни — кто он, ни — в каком веке он стоит у моря, ни — сколько времени он у моря стоит. Когда ни посмотришь на него, его напряженная спина неподвижна. Невменяемо меридиональное время, один и тот же неопределенный час суток, не светает и не смеркается. На мгновение смущает прорезиненность плаща: рыбак, двадцатый век, писатель, двадцатый век, рыбак, геолог, двадцатый век, поэт, на берегу Демосфен с камнями набитым ртом, чтец, милый младекламатор под музыку пустынных волн, рыбак, просто старый человек, рыбак, двадцатый век, у Северного моря рыбак. Но прорезиненность плаща недостоверна с учетом качества ре-продуции. У Северного моря коченея, но воспламеняясь, чтобы в неподвижности согреться у Северного моря — фантазиями, у Северного моря человек, рыбак фантазирует, он представляет себе обратный случившемуся так давно, что — как именно давно — человек, рыбак у Северного моря не представляет себе и потому ошибается — ход льдов по планете, и теперь в его воображении у его увязших в песке ног плещется вода теплого моря, много лет тому назад, и яркое солнце над теплым морем и в синем небе, сгущенным разреженностью воздуха, как вокруг космического корабля на космодроме, как над полем в предзакатный час — небо, и знайный ковер неподвижных цветов, как в поле в предзакатный час летом, и — длинную, белого мрамора, средиземноморскую, но и — индийскую — эспланаду, над которой все это небо, под которой все это море, на которой, на белый мрамор опершись руками и глядя в несуществующее между морем и небом пространство, стоит склонивший прорезиненный свой плащ — магараджа, некоторый магараджа, писатель, рыбак, магараджа, житель давнего, доледникового века, мечтатель, прорезающий чувством времени время — немножко прорайденциалист, немножко мистик, магараджа, рыбак..."

Зазвенел звонок. Урок литературы закончился. Это был последний урок. Сидевший Рядом толкнул Грамотного в бок локтем, вставая, чтобы сдать описание рецензии картины Сипунова в тетради по русскому языку, пока класс освобожден-

но, с радостным чувством, с дурным предчувствием в груди тянулся к столу Учительницы, которая сидела за столом строго, гневно, как магараджа, пока Любочка и Танечка, — Танечка злое, Любочка восторженное — просовывали личики в дверной проем: "Хорош писать, Достоевский. Конфеты наши прибрьли. Сейчас будем конфеты рубать. Иди конфеты бери." "Отвали", — сказал Грамотный. "Я пошел конфеты выгружать", — сказал Сидевший Рядом, и ушел. Из-за двери понеслась отрывистая речь, klaцанье салог, салог, салог. "Точно долкило?" "Долкило." "Я могу не перевешивать?" "На чем ты будешь перевешивать, интересно?" "Я найду на чем перевешивать." "А где этот малахольный со своим тезаурусом?" Он сцепляет слова. Контекстуально возбужден. Пять минут. Подождите пять минут. Мы еще не подсчитались с конфетами. У вас еще остались деньги на еще полкило?.. "Не дергайся. Ты только не дергайся. Ты только, ради бога, не дергайся. Сами думайте скорее, что продать. На полтора кило. Что продать. В крайнем случае." "Вы фсе щутите." "Сейчас Савченко, Танечка, подойдет." "Полтора кило." "Полкило." Он вписывает слова в контекст. "Малахольный." "Не надо так. Зачем уж так." "Сейчас Савченко, Танечка, подойдет." "Я плевала, Любочка. Я уже еще одну из другого дома в него вписала, в этого малахольного. Завтра придет со словарем. На три кило поспорили," "На три кило?" "На три кило." "Навариваешься на нас, я смотрю." "Не амикошонствуй, мелюзга." "Я не мелюзга, я антрепренер." Щушуканье и хохот за дверью. "Я его импресарию," Стук оглушал. Сидевший Рядом ворвался в пустой класс, хооча: "Угощайся, литература!" Он кинул на парту перед Грамотным четыре "Мишкы на Севере", крикнул: "Давай быстрей! Заказчик нервничает!" и, жуя и хооча, убежал. Грамотный развернул двух мишек на севере, осторожно положил одного из них в рот и, морща, начал жевать, а двух мишек, не разворачивая, воткнул в ушные раковины, морща от бумажного скрежета по перепонкам, который все же отрывистую речь и стук салог заглушал, и склонился над тетрадью по русскому языку: "... мистик, магараджа, рыбак. Когда в перспективе эспланады появилась видимая боковым зрением фигура

советника, визиря, министра магараджи, магараджа сделал бы-
ло попытку скрыться, спрятаться, убежать, но вспомнил, что
обречен вечно стоять лицом к морю, и только вздохнул, сми-
ряясь, отмечая боковым зрением приближение визиря, ministra,
вице-магараджи, советника рыбака. Человек этот был ему не-
приятен. Человек этот, с его развинченной походкой и быст-
рыми глазами, оживленной, ранящей слух речью, мешающей мол-
чанию и мысли, с его стремительным движением рук и фантас-
магорическим чутким нюхом, человек этот, мастер быстрого
навета, улычивый инсинатор, змеиношпящий в душе, патоло-
гический, герпетологический до озмения пасквилянт, который,
как подозревал, как просто чувствовал спиной магараджа,
был подвержен всем немыслимым порокам ареала средиземно-
красного моря, по берегам которого жил веселый, добрый, гор-
дый, шумный, славный, толковый, бесстодковый народ, нечело-
вечески искусный, неправдоподобно трудолюбивый — красноде-
ревищики, зеркальщики, братство Свободных Амальгаматоров,
человек этот, как ни нелепа эта мысль, но — тайный, вероятно,
денатуратчик, употреблявший в одиночестве, как ни нелепа
эта мысль, отходы амальгамного производства, человек этот,
интеллект которого позволял ему быть не просто антиминтеллек-
туалом, но антиминтеллектуалом, выглядящим отъявленным ин-
теллектуалом, человек этот магарадже, писателю в доледнико-
вый век, в короткое тепло между льдами, рыбаку, был неприя-
тен, был неприятен. Он был ему неприятен. Человек этот при-
ближался, на ходу жуя пахлаву. Это постоянное — на ходу,
на людях — жевание сладостей, конфет, халви, пахлавы выда-
вало в нем еще и, как ни очевидна эта мысль, бессильного
сластолюбца. Человек этот приблизился, на ходу жуя пахлаву
и, изобразив на лице издевательскую почтительность, амико-
шонски хлопнул магараджу по напряженной спине: "Привет, ма-
гараджа!" Магараджа закрыл глаза. Открыл. И ведь кроме него,
тоскливо подумалось человеку к морю лицом, мне и поговорить-
то не с кем. Один. Невдалеке работала, дробя жмык, жмыко-
дробилка. Море ласково шумело. "Привет, говорю, магараджа!"
— снова хлопнул визирь, министр, советник магараджи магарад-
жу по напряженной спине и, лукаво грозя магарадже запачкан-
ным пахлавой пальцем, залился добрым смехом. — "Ох, молчишь.

Ох, не в духе. Ох, не любишь. Ох, дискриминируешь меня, магараджа. С собой говоришь, а со мной — нет. Разве я тебе худший друг, чем ты — сам себе, о владыка?.." Сидевший Рядом, неслышно подойдя, хлопнул Грамотного по спине и выдернул мышку на севере из его правого уха: "Оглох? Люди ждут. Прошло пятнадцать минут." "Заканчиваю", — сказал Грамотный. — "Отвали." "Дай тебе еще пять от силы десять минут", — строго сказал Сидевший Рядом. — "Будь так добр уложиться", — и воткнул мышку на севере в правое ухо Грамотного. "... о владыка? Напрасно ты относишься к себе и ко мне столь — дифференцированно, прости мне это мертвое слово. Так по-разному, о владыка! Мы живем в такое трудное время! Мы должны держаться друг за друга! Дай я за тебя подержусь, о владыка!" Он схватился за плечо магараджи и по возросшей окаменелости спины понял, что — переступи, переамикошонствовал, слегка перепозволил себе, однако продолжал держаться за магараджино плечо, треща без умолку, безостановочно жуя, плюясь от возбуждения слюнной пахлавой. "Скажи мне что-нибудь. Нет? Тогда я скажу тебе что-нибудь. Мало новостей в твоей стране, о владыка. У купленного в Греции для тебя — ха! — за десять тетрадрахм коня конъюктивит. Это шутка. Конъюнктива на глазу воспалена. Это шутка. У оставшегося поголовья домашних ящеров ящур — поголовно ящур. Смешно? Но они не вымрут, меры принимаются. Полная тишина." Он захихикал: "Я все шучу.. Я хочу тебя развеселить. Я много говорю, да? Я очень много говорю, да? Я кажусь тебе глуповатым, да? Скажи. Все бы я шутил, да? Молчишь. В стране разброд, суверены настаивают на севернитете, закрасноморские суверены установили сивернитет над нашими суверенами ввиду твоей неподвижности и твоего молчания, и ты поверь мне, о владыка, что я делаю что могу. Это шутка. С гор на побережье моря в набеге скатываются по ночам мориды во главе с неким Хаджи-Муратом и занимаются им моридивом. Это шутка. Простые амальгаматоры говорят заумно, — тихо, и туманно глядят. Утром ради смеха я подслушал их разговор, о чем они говорят, уж не о лифагорействе ли? О неопифагорействе, представь себе, о владыка! Как резко возрос культур-

ный уровень побережья! Раньше всяк был прост и хамовит, как хламидомонада, можно так сказать, как туфелька, как амеба, теперь же всяк так сложен, с такими людьми сложно, но и интересно! Магараджа..." - он якобы умоляюще взглянул на магараджу. - "Владыка, умоляю, молю тебя, не молчи. Дай я тебя порадую, ну дай я тебя порадую: амальгаматоры вчерающим утром скрестили феррум и молибден, получили ферромолибден и продали мне его секрет, который принесет нам, мне, нам множество конфет, о владыка..." - и визирь, министр, советник, стоя рядом, якобы замялся в якобы смущении, поглаживая плечо магараджи. - "Ты все молчишь. А я хотел тебе сказать, магараджа... Тоже женщина, которую ты любишь... Да ведь любишь, я же знаю. Что ты?.. Так вот, та женщина... Тебе же все равно - ты неподвижен. Ты молчишь... Зачем она тебе? Зачем ты ей? Зачем вы друг другу?.. Я долго собирался с духом тебе сказать.. А теперь собрался с духом тебе сказать. Короче говоря, она и я... Мы с ней... Она со мной... Я не мог молчать. Больше. Ты меня пойми. Я не мог." Он посмотрел на магараджу. Он выглядел смущенным, серьезным, трогательным, но глаза, конечно, выдавали его с головой. "Ты можешь мне сказать: мы с ней разные; да, мы с ней разные люди, я баптист, она анабаптистка, но магараджа, магараджа - ты мой, когда любишь, когда на время полюбляешь, о таких вещах на время забываешь, ты же понимаешь меня, доунт ю?.." Он посмотрел на человека лицом к морю и скзал его плечо: "Слушай, магараджа, не молчи. Ты еще меня не знаешь. Я по-хорошему говорю тебе: не молчи. Ты хочешь меня унизить.. Ты думаешь, ты умный, а я нет. Ты думаешь, ты чем-то отличаешься от меня. Ты ничем не отличаешься от меня. Только тем, что ты думаешь, что ты лучше, и поэтому я лучше, чем ты. Не молчи. Твое молчание ядовито, как укус ползучей сколопендры, о владыка! Я не люблю твоего молчания. Не люблю." Человек молчал лицом к морю. "Скажи что-нибудь. Ну? Ну скажи что-нибудь. Какой-нибудь пустяк. Какую-нибудь буквальную ерунду. Не молчи." Человек молчал лицом к морю. Попрощавшись от ярости пахлавой, визирь, министр, советник, друг и опора начал, скав его плечо, его трясти, трясти, трясти, но человек молчал лицом к

моря. "Ты победил", — сказал опора, друг, визирь, министр и советник. — "Твоя пока взяла. Моя пока отдала. Живи пока. Стой пока. Молчи. Но когда-нибудь ты перестанешь у меня молчать, у моря, и тогда я буду знать, о чем ты молчал, молчишь, будешь молчать, и тогда ты знаешь, что ты не знаешь, что будет, но знаешь, что будет плохо..." Он перепрыгнул через белый мрамор и побежал, путаясь в складках своих одежд, к морю, мимо мрачной процессии молчаливых хоругвенноносцев, вышедших из-за мыса Недавнего Времени и шедших к заливу Недавнего Времени, увязая коваными сапогами в песке, обратив лица, похожие на куски сырого мяса, на развеивающиеся под вялым ветром свои шаманские хоругви с выражением бесстыдной любви к ненависти на лицах, мимо человека в прозиненном плаще, одинокого, как море, как тетеревенок на ветке, озабоченного, как мышонок в норке, на берегу Северного моря, человека, фигура которого плотна и кажется излишней, но — только через нее, как через некий эпидиаскоп, в который вставлен застывший кадр, — мысль, взгляд, дарящий взгляду вид, можно увидеть северное море, песок, эти волны, эту жизнь, которая так быстро проходит, это одиночество, эту радость, которую увидеть нельзя."

Грамотный несколько секунд сидел, тупо уставившись на портрет немстового Виссариона, — потом церемония взгляда на вязкую горку слов на листе, которая распадалась и расползалась, покряхтывая, еще постанывая, потом начал улыбаться и улыбался, вынимая из ушных раковин конфеты, разворачивая их обертки и тупо поедая конфеты, улыбался, когда перед ним врос разъяренный Сидевший Рядом, — вырнулся на парту перед ним еще три конфеты, схватил тетрадь Грамотного по русскому языку, разъяренно улыбнулся Грамотному и выбежал с ней вон, разъяренный; и из-за двери тут же донеслось четыре хохота: Любочкин, Танечкин, Савченкин и Сидевшего Рядом, а затем — без перехода — потная тишина, он улыбался, разворачивая по очереди еще три конфеты и отправляя их в рот, улыбался, проходя мимо склонившихся над его тетрадью и не заметивших его Любочки, Танечки, Савченко и Сидевшего Рядом, улыбался, проходя мимо зоркой нянечки в раздевалку, снимая сменную

обувь, переобуваясь и надевая пальто и шапку, улыбался, подходя к Нянечке и говоря ей под ее несочувственное покачивание головой: "До свидания, Нянечка! Я сейчас написал некоторую глупость, но зато они теперь хоть немного живые, а раньше они были сами по себе, Нянечка, и неживые, зато теперь они вместе, они так еще никогда не стояли вместе, они стояли часто вместе — лучше, но по-другому, но так — еще никогда. Вы понимаете. Откровенно говоря, Нянечка, мне утром и днем было нехорошо, мне не было хорошо, но зато теперь мне хорошо." "Малахольный", — сказала Нянечка. "Зато теперь хорошо", — сказал Грамотный. Но ему не было хорошо. Заболело под ложечкой. Он не любил конфет. У него от них болело под ложечкой, и он не ел их, но в последнее время — по рассеянности ел их часто. И каждый раз у него потом болело под ложечкой. Было важно дойти быстро дойти до дому, там упасть лицом в подушку на диван. Но недавно начавшаяся оттепель, приступ лже-весны в ноябре, развезла грязь по пустырю, еще несколько дней назад схваченному морозом, и когда он ринулся через пустырь, он затрясл. Он увяз в грязи, рванул было правую ногу из чвкающей жизни, выдернул ногу из этой жидкой грязи и встал в отчаянии, как цапля, молча, посреди оттепели. Из слова небо начало сыпаться мелкое слово снег. Мимо него прошли Любочка под руку с Савченко, Танечка с девочкой из другого дома, с которой она спорила на Грамотного на три кило конфет завтра, и Сидевший Рядом с Сидевшей Впереди. "Чего это он там, малахольный?" — спросила Танечка. "Новая идея", — сказал Сидевший Рядом. — "Новый замысел. Все молчит. Великолепно. Встал и стоит. Задумался. Замечтался." Он крикнул Грамотному: "А мы уже идем в магазин! Еще полкила наши. Браво! Им все понятно в твоем контексте. Все слова. Лихо запузырено! Контекст. Браво!" Он осторожно подошел, жуя, к краю тропинки и крикнул Грамотному: "Держи!" — и бросил в направлении его рук маленький кулечек с конфетами. Кулечек прихнулся в грязь. Грамотный нагнулся на одной ноге и поднял его. И бросил в грязь. "Остальные съеди, извини. Но мы сейчас еще докупим, не грусти. А ты здесь — что?" Грамотный молчал. "Молчишь?" Гра-

мотный молчал. "Сейчас конфет возьмем и вернемся тебе на помощь. Протянем руку дружбы. Иначе там сейчас обеденный перерыв." "Отвали", - сказал Грамотный. "Придем - придем", - сказал Сидевший Рядом, жуч. - "Придем тебе на помощь. Или пришлем тебе помочь. Люди доски принесут. Багры. Не грусти!"

Они ушли. Грамотный посмотрел на небо. Небо было серое, холодное. Слово небо было низкое, серое. Скоро придет конец обманной оттепели, грязь схватится морозом, - скоро зима, подумал он, глядя вслед уходившей компании, своим верным друзьям, и стараясь не думать о том, что помощь может и не прийти.

Так он там до сих пор и стоит.

=====